

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ КАЗАЧЕК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Варивода Наталья Владимировна, научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), variks1@yandex.ru

В статье исследуются мировоззрение и поведение, ценности и стереотипы, общественные и индивидуальные ориентации женщин-казачек Северного Кавказа в конце XVIII – начале XX в. Возросшая роль женщины в современном мире делает проблему исследования роли и места женщины в обществе особенно актуальной. Показано, что казачкам были присущи такие ценностные приоритеты, как чувство национальной гордости и кровной близости к одноплеменникам, чувство собственного достоинства, наряду с уважением к человеческой личности и к старшим. Выявлены причины первоначального формирования у казачек военизированного мировоззрения и поведения. Исследованы черты эволюции женских ментальных и поведенческих установок в сторону адекватного противодействия военной угрозе, в том числе изменение гендерных стереотипов в направлении усиления у казачек маскулинных черт в общественной и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: казачка, женщина, Северный Кавказ, ценности, поведенческие стереотипы, казачество, мировоззрение, повседневность, станичное общество, семья.

В XVIII веке Российская империя переходит от политики постепенного развития союзно-вассальных отношений с народами Северного Кавказа к их присоединению и установлению русской администрации [Варивода 2019: 24–25]. Со второй половины XVIII века российское правительство проводит интенсивные мероприятия в этом направлении, рассматривая как одну из основных задач создание здесь многочисленного и сильного казачества. Изучая историю кавказского казачества, большинство авторов брали за основу лишь вопросы его военной и политической истории. Для создания полноценной картины существования казачества в данном регионе необходимо исследовать и повседневную жизнь гражданского населения, в частности, казачек.

По тому, как общество относится к женщине, какое положение она занимает в нем, можно судить о характере самого общества. Это отвечает специфике общественно-политических образований групп казаков. Своеобразие их общественного устройства, особенности быта и культуры не могли не наложить заметный отпечаток и на казачку, чьё место и роль в общественной и культурной жизни казачьих общин всегда вызывали интерес.

Формирование основных черт менталитета казачки начиналось с детства. Воспитанием девочек занималась бабушка. И первое, чему она их учила – молитве. Она начинала воспитание внучки с духовного восхождения, передавала ей унаследованный опыт народной общности, соборности, хранящей примеры праведного поведения. Бабушка знала, что доброта, терпимость, взаимное прощение обид, смирение, послушание, уважение к старшим – все это составляющие нравственного круга, которые смогут обеспечить в будущем крепкую семью, достаток. И девочки постепенно впитывали эти нравственные категории.

Большое внимание уделяли и трудовому воспитанию. Тяжесть труда наращивалась с годами постепенно. С 4-х лет уже определялся круг обязанностей. В 5 лет приобретались навыки рукоделия. В 7 лет – работа в саду и огороде, уборка подворья. Полурабочий возраст девочки-казачки был с 10 лет. Труд для девочки из необходимости быстро превращался в нечто приятное и естественное.

Девочке не обязательно было учиться, ее отрывали от учебы весной, когда начиналась посевная или когда надо было присмотреть за младшими. Посильный для девочки труд чередовался с играми, полезное срасталось с приятным незаметно. Первоначальные навыки шитья, вязания, вышивания укреплялись и развивались в девичьих играх с куклами. Маленькие мастерицы проявляли себя как портнихи, художники-модельеры, рукодельницы. Не было казачки, которая не могла бы шить, кроить, вязать чулки, носки, кружева, вышивать рушники, салфетки, украшать кружевом рубашки и кофты, стегать одеяло [Растатурин 2012: 156–157].

Всю рабочую одежду для семьи, в основном, шили сами казачки. Особенно казачки славилась кулинарным талантом приготовления блюд, свойственных казачьему укладу жизни. В некоторых казачьих областях казаки проводили по сегодняшним понятиям смотр-конкурс на лучшую встречу и угощение гостей – чья жена лучше умеет принять и угостить вкусной пищей [Цыбульникова 2004: 58].

Девочка всегда должна была быть в работе, чтобы не думать о шалостях. Росла девочка с мыслью, что она будущая хозяйка и мать, чему было подчинено все ее воспитание. Ей внушалось, что самое главное – спокойная душа и чистое сердце, а счастье – крепкая семья и достаток, честный заработок.

Строгость в воспитании исходила от традиционно-нравственных установок. Отношения между членами семьи у казаков носили ярко выраженный патриархальный и авторитарный характер, как это было принято в традиционных кавказских семьях. Команды старшего в семье и даже наказание никогда не подвергались сомнению. Л.Н. Толстой, проживший определенное время в казачьей станице, так писал об этом: «...казаки смотрят на женщину с восточным требованием покорности и труда» [Толстой 1981: 158].

Традиции в воспитании девочки-казачки сформировали особый тип женщин: свободных в выборе, самостоятельных в действиях и решениях. Казачки имели характер независимый и гордый. О казачках современники писали: «Соедините красоту и обаяние русской женщины с красотой черкешенки, турчанки и татарки, да если прибавить бесстрашие амазонок – перед вами портрет истинной казачки» [Мозговая-Гирианская 2011: 156–157].

Казачке были чужды модные по духу времени демократические книжные теории. Внутренним идеалом казачки были Бог, семья, подворье. В системе ценностей в приоритете были послушные дети, уважающие родителей, чувство своей ответственности перед Богом по поддержанию в семье православно-нравственных устоев, пресечение распутства [Цыбульникова, 2004: 59].

Казаки упорно берегли свое племенное лицо и больше всего при помощи женщин, ревнивых хранительниц древних обычаев и чистоты крови. Всем известно, как казачки гордились своим происхождением, как они избегали браков с иногородними, как недружелюбно принимали в станицах чужеродных казачьих жен, с каким предубеждением относились ко всякому чужаку. Это отчетливо бросалось в глаза. В XVIII в. А.И. Ригельман писал о Донцах: «Жены их лица круглого и румяного, глаза темные большие, собою плотные, черноволосые, к чужестранным неприветливы» [Годовова 2012: 118].

Женщина имела большое значение в казачьей семье, она умела посвящать себя семейной жизни и воспитывать в своих детях любовь к родной земле и к своему народу. С малых лет ребенок впитывал от матери чувства национальной гордости и кровной близости к одноплеменникам, чувство собственного достоинства, уважение к старшим. Особо ревниво казачка относилась к выработке у детей

сознания о единстве этносоциологических черт казачества как народа. С малых лет дети с гордостью относили себя к казачьему народу и твердо усваивали, что все казаки – братья. Казачке было чуждо чувство подражания в поведении, поступках, одежде. Она всегда подчеркнуто проявляла свою принадлежность к казачьему народу и в одежде, и в разговоре, гордившись этим.

Казаки редко выдавали дочь за «не казака». Особенно непримиримыми к иноверцам были бороздинцы. Как отмечал В.А. Потто: «...казак в редких случаях выдает замуж свою дочь за не казака или женит сына на не казачке» [Потто 1991: 26]. Причина этого во многом, в боязни потери казаками христианской веры и утраты этнического самосознания. Если казачка выходила замуж за иногороднего, она автоматически выбывала из казачьего сословия и теряла свои привилегии [Мутиева 2012: 221].

Казачки становились женами кавказских горцев, в основном, путем похищения, а не традиционного для казаков сватовства. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык, рожали детей. «Кубанские войсковые ведомости» сообщают о казачке Аксинье, лет сорока, вышедшей из плена «с грудным детем», которая «разговор по-русски мало знает» [Цыбулькина 2012: 131]. Видимо, она была похищена маленькой девочкой и за 30–35 лет, прожитых в горской среде, практически забыла родной язык.

Похожий случай произошел с жительницей военного поселения (будущей станицы Александровской) Марфой Щербаковой. В 1841 г., когда ей было 12 лет, она вместе с несколькими своими односельчанами была захвачена чеченцами и провела в плену много лет. Из Чечни ее продали в Кабарду. Когда военные действия в Чечне и Дагестане закончились, русская администрация стала разыскивать пленных, и нашла ее в одном из кабардинских сел. Однако найденная женщина не признавалась в том, что она является Марфой Щербаковой, хотя ее опознали ее сестры и другие жители станицы. Как полагал допрашивавший ее чиновник, «она будучи в плену у горцев с лишком 21 год, и притом имея мужа и детей, свыклась с жизнью их и религиею и не считала нужным сознаваться в своем происхождении» [Тхамокова 2000: 59]. То есть, такие пленницы даже при имеющейся возможности не возвращались в родные станицы.

В результате многолетнего соседства с горцами среди замужних казачек было много женщин местного горского происхождения, особенно чеченок, кабардинок и ногаек. А.Ф. Щербина отмечал, что «... русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе» [Омельченко 1991: 125].

Межэтнические браки способствовали складыванию традиций куначества, которые в мирное время твердо поддерживались, а в момент обострения военной ситуации использовались для освобождения из плена родственников.

Казаки имели свой особый статус среди прочих сословий Российской империи, который не исчерпывался их принадлежностью к профессиональным военным, поскольку определялся своеобразным типом отношений между войском и государством, в основе которого лежало право на землевладение и землепользование. В этих отношениях женщина занимала важное место, восполняя дефицит рабочих рук для обработки земли и в прямом смысле – выполняя хозяйственные работы при нехватке мужчин, и в перспективе – обеспечивая естественный прирост казачества. Самообеспечение казачьих войск было стратегически важно для правительства, особенно в период создания регулярной армии, а также в связи с развитием поселений на вновь присоединяемых территориях. Можно сказать, что именно казачка физически осуществляла мирную колонизацию многих земель. При этом женщинами были освоены практически все виды хозяйственной деятельности. Феминизация обеспечивала стабильность домашнему производству, смягчая зависимость от ритма войсковой жизни мужчин. Однако с другой стороны,

она стала одним из факторов торможения процессов модернизации в войсковом сельском хозяйстве – развития частной механизации, совершенствования агрокультуры и т.д. [Власкина 2008: 55].

В силу особенностей военного быта исторически выработался особый тип женщины – неустанной труженицы, смело и энергично принимающей на себя все труды мужчины. «Считая себя господами в доме, мужчины стараются все работы свалить на женщин. Только пахота, косьба, да рыбная ловля лежат исключительно на обязанности мужчин; что же касается других работ по хозяйству, то они исполняются, главным образом, женщинами» [Бутова 1889: 23].

В силу принадлежности к воинскому сословию и частому вовлечению в пограничные столкновения, казачки обладали не только специфическим военно-адаптированным менталитетом, но и вполне конкретными боевыми навыками. Мужья в неофициальной обстановке старались научить жен необходимым навыкам обороны. В источниках есть примеры участия казачек в соревнованиях по наездничеству и джигитовке. В казачьих станицах военный быт был признаком исключительности, противопоставления другим сословиям (например, крестьянству). Поэтому проявление молодечества не только у мужчин, но и у женщин одобрялось общественным мнением. Постепенно у женщин-казачек сформировалось военизированное мировоззрение и поведение. Она могла заменить мужа не только в хозяйственной, но и в военной сфере. По утверждению В.А. Потто: «Женщина, вечная труженица в мирное время, в минуты опасности являлась таким же точно бойцом, как ее отец, муж или сын» [Потто 1991: 264].

Имея базовые устои подобного мировоззрения и поведения, казачки на их основе формируют новые навыки самообороны, необходимые им в реальной исторической ситуации. На складывание такого менталитета с детства влияли традиции казачества – в первую очередь, рассказы стариков о военной доблести предков [Цыбульникова 2004: 59]. «Рассказывали и дедушки, и бабушки... Рассказывали и дочерям – они должны были все это знать... От поколения к поколению передавали в основном холодное оружие. Оно на коврах висело...» [Цыбульникова 2012: 140].

Века постоянных боевых тревог, военно-полукочевого образа жизни выработали в казачке бесстрашную решительность и способность сохранять присутствие духа в моменты неожиданной опасности. Исторические факты и события свидетельствуют о многочисленных случаях участия казачек в обороне станиц, крепостей, городов. Наиболее известным эпизодом является подвиг казачек, отбивших от черкесов свою Наурскую станицу.

В то время как шла первая русско-турецкая война, в 1774 г. Наурскую станицу обложило восьмидесятысячное скопище татар, кабардинов и турок, под предводительством калги – из рода крымских султанов [Потто 1887: 76]. Строевые казаки еще не возвратились из похода, и дома оставались только старики, женщины, дети и легионная команда. У неприятеля был явный расчет захватить врасплох беззащитных жителей станицы, которая едва только устраивалась, хотя, правда, и была обнесена валом и снабжена орудиями. Неприятель не знал однако же, с кем будет иметь дело – и встретил небывалое войско и с небывалым оружием. Разряженные наурские казачки в красных сарафанах вышли на защиту родного городка и отражали неприятельские приступы наряду с мужьями и братьями. На женщин была возложена обязанность поддерживать костры, разогревать смолу и лить со стен кипятком на головы штурмующих. Сохранилось предание, что даже щи, варившиеся к обеду, шли у казаков на дело защиты [Потто 1887: 77]. В итоге было уничтожено более 800 врагов [Шупленков 2016: 29]. Видная роль, которая выпала на долю казачек при защите Наура, была особенной причиной, почему неприятели долго не могли забыть позора своего поражения.

Казачки стремились получить боевые навыки не из праздного любопытства, а из суровой военной необходимости. Это давало казачкам больше шансов

противостоять нападениям горцев, как при индивидуальной опасности, так и при обороне станиц. Например, при нападении в 1807 г. на ст. Пластуновскую, горцы проникли в сени одного из домов и попытались захватить спавшую там казачку Анну Блакиткину, но проснувшаяся девушка оказала такое сопротивление, что черкесы ушли ни с чем, сумев только легко ранить ее саблей [Акоева 2008: 21]. По мере усмирения горцев боевые навыки продолжают осваиваться казачками в шуточной форме (во время праздничных показательных джигитовок, свадебных обрядов) и носят скорее развлекательный, нежели функциональный характер. В связи с вышесказанным становится понятна поговорка о казачках: «Слава-то казачья – да жизнь у них собачья».

После окончания Кавказской войны хозяйство стало налаживаться. Семьи получили возможность заниматься земледелием. Поведение женщины стало меняться, возвращаясь в рамки традиционных представлений о ее предназначении. Все больше внимания она могла уделять семье – основной ячейке повседневной экономической и социальной жизни.

Замужество осознавалось как признание обществом достоинств женщины и выполнения ею своего главного назначения в жизни. Очень высоко оценивалась ее репродуктивная роль. Кроме материнских функций по уходу и воспитанию детей, основной полоролевой обязанностью женщины считалось ведение домашнего хозяйства, обслуживание членов семьи. Так, И.Д. Попко отмечает: «Уходя на далекую или близкую службу Государеву, здешний казачий дворянин оставляет на единственном попечении своей жены сбережение, поддержание и развитие своего хозяйства, равно как и воспитание детей, будущих казаков Государевых. От трудолюбия и рачительности жены исключительно и безусловно зависит благосостояние дворянина и его семьи. Это показывает насущный опыт» [Попко 1998: 99].

Именно домашнее хозяйство являлось той областью, где женщина могла проявить свою сообразительность, ум, знания. Вне семьи она не могла реализовать себя как личность. Мир ценностей казачки в значительной степени был сосредоточен на семейных делах. Не случайно среди казаков говорили: «Женщине дорога от печи до порога». Но именно это и позволяло казачке чувствовать себя полноправной хозяйкой в своем доме. Хотя в целом, «предназначенность» женщины для дома и семьи делала ее статус в сознании народа более низким по сравнению с мужским, публичным. Такие ценностные установки характерны и для других народов и эпох [Акоева 2008: 21].

Как мы могли заметить, несмотря на то, что у большинства женщин-казачек формируются маскулинные стереотипы поведения в военной сфере, в то же время сохраняются и феминные формы поведения, в сфере семейной.

Огромное значение для жизнедеятельности станичной общины имели нормы поведения и общественная нравственность. Общественная нравственность в традиционном казачьем обществе жестко регулировалась общественным мнением. Отклонение от общепринятых норм поведения неизбежно встречало осуждение в обществе, и особенно строгим было общественное мнение в отношении женщины. Внебрачные связи осуждались. Санкции при этом носили не только официальный характер (через атамана и станичный суд), но и неофициальный (самосуд, расправа).

У казаков существовали довольно жестокие виды наказания неверных жен. Уличенную в прелюбодеянии казачку гоняли по станице, привязанную за руки к телеге, при этом невестку били свекор, свекровь и муж [Шафранова 214: 201].

За супружескую измену также устраивалось «зимнее купание на аркане в про-рубви», особенно если мужу удавалось поймать жену с «блудодейником». Кроме того, «за продерзости, чужеложество и за иные вины, связав руки и ноги, и насыпавши за рубашку полные пазухи песку, и зашивши оную или с камнем навязавши, в воду метали и топили за несоблюдение честности» [Пушкарева 2009: 126].

К позорящим наказаниям жен, оказавшихся неверными при долговременном отсутствии мужей, относятся различные формы остракизма и незамечания жен после возвращения их супругов.

Женщина-казачка активно влияла на формирование духовной культуры. Все составляющие духовной культуры будь то обряды, празднества, народное творчество были не мыслимы без участия женщины. Сфера духовной культуры была неотделима от досуга. У казачек досуг и развлечения во многих своих проявлениях не были отделены от трудовой деятельности. Особое место в структуре досуга женщин занимали посиделки-вечеринки и разнообразные праздники. Всевозможные игры и развлечения составляли значительную часть праздничной культуры, без них не проходила ни одна праздничная вечеринка, и активными участницами этих игр являлись, как правило, молодые девушки и женщины.

Несмотря на то, что участие женщин в различных формах досуга регулировалось общественными институтами: семьей, церковью, станичным обществом, а поведенческие стереотипы, девочки и девушки отличались от стереотипов поведения замужней женщины или вдовы, все группы женщин принимали участие в различных формах досуга. Отдых имел восстановительный характер после выполнения трудоемких операций в хозяйственной деятельности.

Досуг женщины зависел от многих факторов. Несомненно, определяющими здесь являлись возрастные особенности. Наиболее развит был досуг среди молодежи. Девушки-казачки примерно с 15–18-летнего возраста имели право посещать улицу, участвовать в вечеринках, посиделках, в хороводах.

Особое место в структуре досуга у терских казаков занимали посиделки-вечеринки. При проведении вечеринок, несомненно, учитывались возрастные и половые признаки. Широко были распространены совместные вечеринки-посиделки, где обычно собирались девушки и юноши вместе. Общение на посиделках имело для женщин-казачек огромное значение, так как там происходил постоянный обмен информацией, которая, безусловно, расширяла их кругозор. Широкое распространение имели вечеринки перед свадьбой в доме невесты, на которых собиралась станичная молодежь.

Особое место в структуре женского досуга занимали праздники, которые в той или иной степени были связаны с календарной обрядностью. С наибольшим размахом отмечались зимне-весенние праздники. Во всех праздниках самое активное участие принимали девушки. Круг общения замужних женщин обычно ограничивался родственной и соседской средой [Мутиева 2004].

В начале XX в. ситуация в стране изменилась. Россия шла по пути модернизации, затронувшей и семейные отношения. Расширялась сфера женской ответственности. Казачка не только вела дом и воспитывала детей, но и заменяла мужа в хозяйстве в периоды военных сборов или войн. Во всех сферах жизни казачьего сообщества женщина становилась консолидирующим элементом формирования хозяйственной, культурной и духовной жизни казачества. Это рождало в ней чувство уверенности в своих силах, самостоятельности, независимости, то есть черты, которыми не обладает женщина в патриархальном обществе. Намечался определенный конфликт в самосознании, который особенно углубился в годы Первой мировой войны и революции 1917 г.

Источники и литература

1. *Акоева Н.Б.* К проблеме социально-семейного положения кубанских женщин-казачек в конце XVIII – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34 (135). С. 18–24.
2. *Бутова Е.* Станица Бороздинская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. С. 3–156.

3. *Варивода Н.В.* Колонизационная политика России на Северном Кавказе во второй половине XVIII – начале XX в. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2019. 144 с.
4. *Власкина Т.Ю.* Статус и правовое положение казачек Дона на рубеже XIX–XX вв. // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках. Сборник статей международной научной конференции. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2008. С. 51–56.
5. *Годовова Е.В.* «Им досталась воля да казачья доля»: образ казачки XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2 (99). С. 118–122.
6. *Мозговая-Гирянская Н.Н.* Семейные традиции и обычаи у казаков и адыгов и их влияние на воспитание подрастающего поколения // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2011. Вып. 7. С. 155–168.
7. *Мутиева О.С.* Женский фактор в горско-казачьих отношениях в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 4. С. 217–223.
8. *Мутиева О.С.* Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004. 159 с. URL: <http://www.dissertat.com/content/rol-zhenshchiny-kazachki-v-zhizni-naseleniya-nizhnego-tereka-v-xix-nachale-xx-vv#ixzz2SMUk7sKk> (дата обращения: 10.07.2020).
9. *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 301 с.
10. *Покко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 192 с.
11. *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1802). Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. Т. 1. 383 с.
12. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. В 5 т. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. 737 с.
13. *Пушкарева Н.Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX века // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120–134.
14. *Растатурин В.И.* Образ казачки в модели жизненного цикла исторической памяти // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2012. Вып. 8. С. 152–159.
15. *Толстой Л.Н.* Казаки. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1981. 350 с.
16. *Тхамокова И.Х.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик: Эль-Фа, 2014. 240 с.
17. *Цыбулькинова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Монография. Армавир: Полипринт ИП Чайка А.Н., 2012. 236 с.
18. *Цыбулькинова А.А.* Формирование боевых навыков у казачек Кубани в конце XVIII – середине XIX в. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Краснодар; Армавир, 2004. С. 57–59.
19. *Шафранова О.И.* Положение женщин в северокавказских обществах во второй половине XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 200–203. URL: <http://www.gramota.net/editions/3.htm> (дата обращения: 18.10.2020).
20. *Щупленков О.В.* Были бы казачки – казаки будут // Альманах «Казачество». 2016. № 19. С. 26–37.

VALUE ATTITUDES AND BEHAVIORAL STEREOTYPES OF THE COSSACKS OF THE NORTH CAUCASUS AT THE LATE XVIII – EARLY XX CENTURIES

Varivoda Natalya Vladimirovna, Researcher of the Sector of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), variks1@yandex.ru

The article examines the worldview and behavior, values and stereotypes, social and individual orientations of Cossack women in the North Caucasus in the late XVIIIth – early XXth centuries. It is shown that the Cossacks were characterized by such value priorities as a sense of

national pride and blood closeness to fellow tribesmen, self-esteem, along with respect for the human person and for elders. The reasons for the initial formation of a militarized worldview and behavior among the Cossacks are revealed. The features of the evolution of female mental and behavioral attitudes towards adequate resistance to the military threat, including the change in gender stereotypes towards the strengthening of masculine traits among Cossacks in social and economic activities, have been investigated.

Keywords: Cossack woman, woman, North Caucasus, values, behavioral stereotypes, Cossacks, worldview, everyday life, village society, family.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-41-48